

исторического метода, требующего исследовать прошлое «на основании всего комплекса критически изученных исторических источников». Однако здесь же признается большая заслуга Карамзина, который «создавал условия для литературного и публицистического суда над историческим прошлым» (с. 331). Благодаря «Истории государства Российского» появилась гениальная трагедия А. С. Пушкина, а тема «преступления и наказания», тема «больной совести» стала одной из важнейших в творчестве Ф. М. Достоевского.⁷

Определяя общественную позицию Карамзина, исследователь справедливо отмечает его независимость: он не присоединяется ни к правительственной политике, ни к либералам. Осуждая восстание декабристов, он не одобряет и жестокость наказания, постигшего его участников. В связи с этим ценно наблюдение М. Б. Свердлова, отметившего, что текст грамоты Василия Шуйского, приведенный историографом, имел смысл поучения Николаю I. Здесь, в частности, говорилось о том, чтобы «не казнить смертью никого без суда боярского, истинного, законного»; преступника

⁷ Подробнее об этом см. в исследовании С. О. Шмидта, включенном в сопровождающую книгу М. Б. Свердлова библиографию: Шмидт С. О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого <...> / Изд. подг. под наблюдением Д. С. Лихачева и С. О. Шмидта. М., 1988. Кн. 4. С. 28–43. См. также: Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин: Судьба наследия (Век XIX). Ульяновск, 2003.

не лишать имущества, но оставлять женам и детям; «в изветах требовать прямых улик с очей на очи» и наказывать клетветников (с. 336). К этому наблюдению можно добавить также слова Карамзина, сказанные Николаю I и переданные декабристом А. Е. Розеном: «Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!»⁸

В «Заключении», подводя итоги, исследователь четко обозначает основные этапы эволюции взглядов Карамзина: после событий Французской революции он становится решительным противником насильственных переворотов, но и крайний консерватизм остается ему чуждым. Надежды, связанные с воцарением Александра I, со второй половины 1810-х годов сменяются критическим отношением к его политике. Неизменным же остается главное: нравственная основа как литературного творчества, так и исторического изучения прошлого. Карамзин-историограф опирается на свой писательский опыт, развивает и совершенствует художественное мастерство в создании характеров, проникновении в человеческую психологию.

Обилие материала, системный подход к его изучению, глубокое знание эпохи, обращение к проблемам, существенным как для историков, так и для литературоведов, — все это несомненные достоинства книги М. Б. Свердлова, представляющей важную веху в изучении наследия Карамзина.

⁸ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907. С. 112.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-250-252

© А. Д. Степанов

ЧЕХОВСКИЙ МИР: ЕДИНСТВО ВИДЕНИЯ*

Первые работы Владимира Борисовича Катаева о Чехове появились еще в начале 1960-х годов. С тех пор автор опубликовал семь книг (в том числе одну на английском) и несколько сотен статей, посвященных выбранной раз и навсегда теме — поэтике Чехова. Сейчас В. Б. Катаев возглавляет чеховедение не только по должности (как председатель Чеховской комиссии Совета по мировой культуре РАН), но и по существу: с его именем связано большинство достижений этой отрасли литературоведения за последние десятилетия, в том числе такие проекты, как «Чеховская энциклопедия»

для школьников, полная библиография работ о Чехове за последние полвека, журнал «Чеховский вестник», ряд конференций «Молодые исследователи Чехова» и серия сборников «Чеховиана» (возрождение которой планируется в ближайшее время). Катаев — один из последних ныне здравствующих участников создания Полного собрания сочинений и писем Чехова в 30 томах. Разумеется, ученого такого ранга постоянно приглашают выступать на различных юбилейных собраниях и пленарных заседаниях, где от него ждут широкомасштабных обобщений и напутственных слов о необходимости изучения классики. Однако, как доказывает рецензируемый сборник, куда вошли по большей части доклады, сделанные

* Катаев В. Б. К пониманию Чехова. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.

на конференциях за последние десять–пятнадцать лет, Катаев отнюдь не превратился в «свадебного генерала», а остался наблюдательным и тонко мыслящим ученым, чей уравновешенный стиль, открытость всему новому и склонность к парадоксам как нельзя лучше соответствуют предмету его исследований. Очень важным отличием и преимуществом его работ является то, что все они так или иначе соотносятся с определенной целостной концепцией чеховского творчества.

Основные элементы этой концепции сложились у автора давно, еще в монографии 1979 года «Проза Чехова: проблемы интерпретации». Вкратце они сводятся к следующим тезисам. Чехов, в отличие от своих современников-реалистов (а может быть, и в отличие от большинства писателей), интересовался не онтологией, а гносеологией, его целью было не запечатление устоявшегося или становящегося бытия, а художественное исследование способов его познания. В результате писатель сознательно ограничивал себя, отказываясь от суждений в тех областях, которые требуют специальных знаний, и исповедовал «диагностическую» установку на индивидуализацию каждого отдельного случая, воздерживаясь от анализа общественных «болезней» в целом и описывая только «отдельных больных», что, впрочем, не исключало некоторых общих критериев правильного познания и этической оценки, таких как полнота, общезначимость и справедливость. Именно предельная конкретизация и индивидуализация изображаемых субъектов и объектов познания позволяли Чехову переходить от единичного непосредственно ко всеобщему.

Можно сказать, что все последующие работы Катаева представляли собой либо интерпретации отдельных чеховских текстов и приемов путем определения их места в этой общей «системе координат», либо уточнения отдельных деталей концепции, либо ее аппроксимацию на лежащие за рамками поэтики проблемные поля: биографику, социологию творчества, рецепцию. Не является исключением и рецензируемый сборник.

В большинстве помещенных здесь статей по поэтике легко обнаруживаются знакомые доминанты. Так, например, в работе, посвященной описанию чувственных восприятий — запахам и звукам, — показано, что у позднего Чехова каждое изображенное явление такого рода неповторимо, каждое восприятие этого явления героем — индивидуально, и всё вместе говорит о «неимоверной сложности познания» (с. 93). Та же «система координат» стоит за компаративистскими анализами поэтики Чехова и его современников. Например, сравнивая двух новаторов в области драмы — Ибсена и Чехова, — Катаев отмечает, что в пьесах Ибсена «мы всегда имеем определенную, четко поставленную проблему, которая должна быть решена... в пьесах Чехова, напротив, трудно определить такую специальную проблему» (с. 152). Аппроксимация той же «системы координат» в область биографики представле-

на, например, в статье «Чехов и Московский университет» (с. 43–57), где доказывается, что именно в стенах университета, благодаря лекциям Г. А. Захарьина, А. И. Бабухина, Н. В. Склифосовского, Ф. Ф. Эрисмана, а также чтению Дарвина и Спенсера, студент-медик научился самостоятельно думать, находить необходимую информацию, отвергать шаблоны, изучать каждый случай медицинского или социального заболевания во всех его индивидуальных особенностях и, таким образом, выработал свой особый способ «ориентирования» в действительности. В статье «Истинный мудрец», размышляя над вопросом, «был ли Чехов философом», Катаев указывает, что писатель «с его гносеологической трактовкой мира, с его основным и постоянным героем — „человеком ориентирующимся“, — предложил не новые идеи, но новые пути рассмотрения идей и мнений» (с. 170).

Важно указать на то, что, несмотря на обилие и разнообразие вводимого материала, во многих наблюдениях и выводах Катаева есть общая черта: они говорят именно об *ограничениях* и *отказах* Чехова от тех или иных шаблонов мышления, традиционных литературных приемов и расхожих тем. Так, например, рассуждая о странных финалах чеховских пьес, которые не соответствуют канонам трагедии или комедии, автор указывает, что одна из главных черт чеховской драматической поэтики — сознательный «отказ от счастливых развязок» (с. 142). А статья «Смелость Чехова» объясняет отказ Чехова изображать подвижников, подобных Н. М. Пржевальскому (о котором Чехов опубликовал восторженный некролог), тем, что на Сахалине писатель «столкнулся с оборотной стороной подвижничества» (с. 60), проявившейся, в частности, в деятельности М. С. Мицуля.

Одна из загадок Чехова состоит в том, что в нем уживались убежденный бытописатель («Мы пишем жизнь такую, как она есть, а дальше — ни тпру ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте») и парадоксалист, почти абсурдист, у которого, например, *комедия* («Чайка») могла закончиться самоубийством центрального героя. Это стремление к созданию максимального эффекта реальности и одновременно к деконструктивистскому переворачиванию базовых оппозиций приводило подчас к удивительным результатам, о чем и пишет Катаев. Например, исходя из советов Чехова начинающей писательнице Лидии Авилевой о том, как переделать ее рассказ («...то, что есть Дуня, должно быть мужчиной. <...> Сделайте... Дуню офицером, что ли...»), исследователь показывает, что реальные прототипы, воплощаясь в героев чеховских рассказов и пьес, то и дело меняли пол, сохраняя при этом черты характера. Не приходится сомневаться, что эти наблюдения над чеховскими «трансгендерами» еще породят целую волну интерпретаций с позиций психоанализа и феминизма. Однако одна из трактовок прямо вытекает из концепции Катаева: Чехова, при всем его

стремлении к индивидуализации героев, интересовала скорее «общность человеческая» (с. 111), не зависящая ни от возраста, ни от социальной роли, ни от гендера.

Книга, скрепленная на глубинном уровне единством понимания чеховского мира, на поверхности выглядит «собранием пестрых глав», весьма несхожих по тематике. Здесь есть работы теоретического характера: статья о необходимости совмещения «ближнего» и «дальнего» контекста при интерпретации; работа, в которой обсуждается возможность говорить о самостоятельной «чеховской философии»; попытка определить общие принципы написания биографии писателя. Есть прочтения отдельных произведений — «Дядя Вани», «Вишневого сада». Есть ряд статей о рецензии, причем больше всего автора занимает загадка восприятия русского писателя XIX века как «своего» людьми в разных уголках мира, от Японии до Великобритании и от Финляндии до экваториальной Африки. Иногда Катаев неожиданно выступает как острый полемист — например, в полемике с «постколониальным» прочтением «Острова Сахалин» польско-американской исследовательницей Эвой Томсон (с. 69–71) или с весьма популярной и весьма спорной биографией Чехова, написанной Доналдом Рейфилдом (с. 22–24, 226–227). Безусловно, автора очень волнует

будущее чеховедения: он не просто декларирует, что творчество Чехова «неисчерпаемо», но и указывает на конкретные нерешенные вопросы: «Признанных жизнеописаний Чехова на сегодняшний день нет...» (с. 20); по-прежнему не устранены купюры в корпусе писем;¹ неясно, какое именно сочинение можно считать дебютом Чехова в литературе; остановлена подготовка «большой» чеховской энциклопедии (издан только «школьный» ее вариант).

Безусловно, все эти вопросы будут рано или поздно решены коллективными усилиями. Что же касается главной сферы интересов автора — поэтики Чехова — то она, по-видимому, никогда не станет областью исследовательского консенсуса, а будет по-прежнему оставаться площадкой для споров и столкновений зачастую прямо противоположных интерпретаций. Однако далеко не все спорящие обладают преимуществом целостного видения исследуемого явления, и потому работам Катаева суждена долгая жизнь.

¹ Интересно, что именно Катаев еще в 1977 году настаивал на необходимости восстановления всех купюр в готовившемся тогда Полном собрании сочинений и писем Чехова. Вопрос решался на уровне отдела культуры ЦК КПСС (с. 220–223).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-252-256

© Т. М. Двинятина

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНОЕ: БУНИНИАНА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Накануне юбилея — в 2020 году И. А. Бунину будет 150 лет — стоит оглянуться на «именные» издания последних лет и понять, с чем подходит филологическое сообщество к обязывающей дате.

Новейший этап осмысления бунинского наследия начался в 2000 году, когда был издан Каталог Бунинской коллекции,¹ хранящейся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ, Leeds Russian Archive) и вобравшей в себя материалы так называемого «Парижского архива» Бунина — тех материалов, которые находились в бунинском

доме на момент смерти писателя (некоторые из них вдова, В. Н. Бунина, позже передала в СССР, но они как раз были уже давно известны отечественным исследователям). Издание Каталога открыло перед учеными возможность познакомиться с огромным пластом архивных материалов творческого, биографического, эпистолярного характера, фотографиями, авторскими экземплярами прижизненных изданий, дневниками, записными книжками и собраниями специально подобранной (и откомментированной Буниным на полях) периодики. Кураторство хранения Русского архива Ричарда Д. Дэвиса переросло в его всестороннюю и самую компетентную поддержку лучших бунинских начинаний последних десятилетий.

Практически сразу началась работа по публикации документов Коллекции. В 2002 году вышел сборник «С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом»,² первая половина которого была отдана эпис-

¹ Heywood A. J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / Ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000; последние версии каталога и указателя см.: <https://explore.library.leeds.ac.uk/multimedia/6902/BuninCatalogue2012.pdf>; https://explore.library.leeds.ac.uk/multimedia/16934/LRA_MS1066_Bunin_Index.pdf (дата обращения: 31.08.2019). Подробнее о составе бунинского архива см.: Двинятина Т. М. Каталог Бунинской коллекции // Русская литература. 2002. № 1. С. 255–257.

² С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В. А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002.